

Глава 1

Вглядываясь в полумрак гостиничной столовой, Джоан Скюдамор прищурила глаза. Она была чуть близорука.

Конечно, это она — нет, не может быть, — да она же. Бланш Хэггард.

Поразительно — в такой глуши встретить старую школьную подругу, с которой они не виделись уже... ой, целых пятнадцать лет.

В первую секунду Джоан обрадовалась. Она по натуре была женщиной общительной и любила компанию.

Но бедняжка Бланш, подумала она тут же, как же она страшно изменилась! Она выглядит намного старше своих лет. Совсем старуха. Сколько ей может быть — не больше сорока восьми?

Естественно, у Джоан сразу возникло желание посмотреть в зеркало, которое очень кстати висело как раз рядом со столом. То,

что она увидела, еще больше подняло ей настроение.

Да, действительно, подумала Джоан Скюдамор, я выгляжу отлично.

Из зеркала на нее смотрела стройная женщина средних лет: никаких морщин, каштановые волосы едва-едва тронула седина, приятные голубые глаза и веселый улыбающийся рот. Женщина была одета в элегантный легкий дорожный костюм, и на плече у нее висела довольно большая сумка, в которой лежали самые необходимые вещи.

Джоан Скюдамор возвращалась из Багдада в Лондон по суше. Нынче вечером она приехала поездом из Багдада, собираясь переночевать в этой железнодорожной гостинице, а на следующее утро отправиться дальше на машине.

Джоан бросила все дела в Англии и уехала, узнав о болезни младшей дочери. Уильям (ее зять) непрактичен, и она понимала, что в доме без хозяйской руки воцарится полный хаос.

Но теперь все в порядке. Она все устроила. Ребенок, Уильям и поправляющаяся Барбара ходили по струнке и вели себя идеально. Слава богу, у меня всегда была голова на плечах, подумала Джоан.

Уильям и Барбара, преисполненные благодарности, уговаривали ее остаться, не торопиться домой, но она с улыбкой, хотя и с легким вздохом, отказалась. Надо было подумать о Родни — бедняге Родни, который сидит в Крейминстере, уйдя с головой в работу, и, кроме прислуги, во всем доме о нем некому позаботиться.

— А чего ждать от прислуги? — проговорила печально Джоан.

— Твои слуги, мама, всегда само совершенство, — отозвалась Барбара. — Как тебе удается!

Джоан посмеялась, но все равно ей было приятно. Говоря и делая что-то, всегда считаешь, что другие это оценят. Иногда она размышляла, не слишком ли ее семья привыкла к тому, что в доме всегда уютно и чисто, дела в безупречном порядке, а сама Джоан в любую минуту готова прийти на помощь.

Нет, она ни на кого не в обиде. Тони, Эверил и Барбара — замечательные дети, и они с Родни по праву могли гордиться их воспитанием и успехами в жизни.

Тони выращивал апельсины в Родезии, Эверил, хотя в свое время заставила роди-

телей побеспокоиться, неплохо устроилась, став женой богатого биржевого маклера, к тому же и человека достаточно приятного. Муж Барбары занимал хорошую должность в министерстве общественных работ Ирака.

Все трое были красивыми, здоровыми людьми и умели себя держать. Джоан считала, что им с Родни действительно повезло, а в глубине души полагала, что в успехах детей есть некоторая заслуга и их родителей. В конце концов, сколько они мучились, подбирая нянь и гувернанток, а потом школу, и всегда ставили на первое место интересы детей и их благополучие.

Отвернувшись от своего отражения в зеркале, Джоан почувствовала, как на нее нахлынула легкая, приятная волна. Да, подумала она, приятно сознавать, что ты добилась своего. Она никогда не хотела сделать карьеру. Ее вполне удовлетворяла роль жены и матери. Она вышла замуж за человека, которого любила, и он на своей работе преуспел — возможно, тут есть и доля ее труда. Многого можно добиться, подавая хороший пример. Милый Родни!

Ее согрела мысль о том, что скоро, очень скоро она опять увидит Родни. Она никогда

не уезжала от него так надолго. Как счастливо и спокойно они всегда жили!

Ну, спокойно — это, конечно, преувеличение. Семейная жизнь никогда не бывает спокойной. Праздники, болезни, лопнувшие от холода водопроводные трубы. На самом деле жизнь состояла из череды мелких драм. Родни напряженно работал, наверное, даже усерднее, чем ему позволяло здоровье. Лет шесть назад он стал заметно сдавать. С легкими угрызениями совести Джоан подумала, что ее муж сохранился не так хорошо, как она. Он довольно сильно ссутулился, поседел, под глазами набрякли мешки.

Но, в конце концов, такова жизнь. А сейчас, когда дети вышли замуж и женились, а у фирмы так хорошо идут дела и новый совладелец вложил в нее деньги, Родни будет полегче. Они найдут время и на себя. Можно, например, проводить пару недель в Лондоне. Родни займется гольфом. Напрасно она не убедила его заняться гольфом раньше. Это полезно для здоровья, особенно тем, у кого «сидячая» работа.

Взяв это на заметку, миссис Скюдамор еще раз взглянула на женщину, которая, как она полагала, была когда-то ее школьной подругой.

Бланш Хэггард. Как же она обожала Бланш Хэггард в школе Сент-Энн! Все сходили с ума по Бланш. Она была такой смелой, такой остроумной и такой непередаваемо очаровательной. Как же можно думать об этом сейчас, глядя на худую, взвинченную и неопрятную пожилую женщину. Как странно она одета! И выглядит... да, действительно не меньше чем на шестьдесят.

Конечно, подумала Джоан, у нее неудачно сложилась жизнь.

На мгновение она ощутила раздражение. Ужасающая нелепость! Когда-то Бланш был двадцать один год и весь мир лежал у ее ног — внешность, положение, все, — и она связала свою судьбу с этим отвратительным человеком. Лекарем — да, именно лекарем. Лекарем, который к тому же был женат, что еще больше усложняло ситуацию. Родные Бланш вели себя с похвальной твердостью, отправив ее в кругосветный развлекательный круиз. Но она сошла с корабля где-то в Алжире или в Неаполе и вернулась домой к своему лекарю. Он, естественно, потерял практику, начал пить, а жена не желала с ним разводиться. В конце концов они уехали из Крейминстера, и затем много лет Джоан не

имела никаких известий о Бланш, пока как-то случайно не наткнулась на нее в Лондоне, в универмаге «Хэрродс», где они встретились в обувном отделе. Из короткого сдержанного разговора (сдержанного со стороны Джоан, потому что Бланш в жизни не была сдержанной) она узнала, что Бланш теперь была замужем за человеком по фамилии Холлидей, который работал в страховой фирме, но собирается оттуда уйти, чтобы посвятить все свое время книге об Уоррене Гастингсе¹, которую он до сих пор писал урывками, приходя с работы.

Джоан пробормотала, что в таком случае, как она полагает, у него есть какие-то сбережения или источники доходов. Бланш бодро ответила, что у него нет ни цента! Но в таком случае бросать работу довольно неразумно, если нет твердых гарантий того, что книга будет иметь успех. Ему ее заказали? О боже мой, все так же весело заявила Бланш, и вообще, она не рассчитывает, что книгу кто-нибудь издаст, потому что Том, хотя и очень старается, писать совсем

¹ Уоррен Гастингс (1732–1818) — английский колониальный деятель, первый генерал-губернатор Индии (1774–1785).

не умеет. После этого Джоан, может быть, с излишней горячностью сказала, что Бланш следует проявить твердость, на что Бланш вздохнула и выпалила: «Но он так хочет писать, бедняжка! Он хочет этого больше всего на свете». Иногда, заметила Джоан, надо быть мудрой за двоих. Бланш засмеялась и ответила, что никогда не была достаточно мудрой даже за себя одну!

Вспоминая потом эту встречу, Джоан решила, что, к сожалению, так оно и есть. Год спустя она встретила Бланш в ресторане, в компании эксцентричной, развязной девицы и двоих богемного вида молодых людей. В дальнейшем единственным напоминанием о существовании Бланш было полученное через пять лет письмо, в котором она просила одолжить ей пятьдесят фунтов. Ее мальчику, писала она, нужна операция. Джоан послала ей двадцать пять фунтов вместе с теплым письмом, в котором спрашивала о подробностях. В ответ пришла открытка с накорябанной надписью: «Браво, Джоан. Я знала, что ты не бросишь меня в беде» — что можно было счесть благодарностью только при очень большом желании. А после этого молчание. И теперь здесь, в гостинице у желез-

ной дороги с мерцающими керосиновыми лампами, где пахнет прогорклым бараньим жиром, парафином и мышами, она встретила давнюю подругу: постаревшую, загрубевшую, плохо одетую.

Бланш закончила есть и направилась к выходу, когда вдруг почувствовала на себе взгляд Джоан. Она обернулась и остолбенела:

— Боже правый, Джоан!

Бланш схватила стул и через минуту уже устроилась за столиком.

— Ну, дорогая, ты замечательно выглядишь, — тараторила она. — Больше тридцати не дашь! Где ты была все это время? В холодильнике?

— Да что ты. Я жила в Крейминстере.

— Родилась, выросла, вышла замуж и похоронена в Крейминстере, — заявила Бланш.

— А что, плохая судьба?

— Нет. — Бланш покачала головой. — Хорошая. А как дети? У тебя же есть дети, так?

— Да, трое. Мальчик и две девочки. Сын в Родезии. Дочери замужем. Одна живет в Лондоне. А вторую я только что навещала в Багдаде. Ее фамилия теперь Рэй — Барбара Рэй.

Бланш кивнула:

— Я ее видела. Славная девочка. Она рано вышла замуж?

— Нет, — отрезала Джоан. — Всем нам нравится Уильям, и вместе они счастливы.

— Да, они, кажется, сейчас обустроиваются. Наверное, повлиял ребенок. Появление ребенка всегда остепеняет молодую женщину. Но, — задумчиво добавила Бланш, — это так и не остепенило меня. Я была очень привязана к двум моим ребяташкам — Лену и Мэри. Но когда мне встретился Джонни Пелхэм, я уехала с ним и оставила их без колебаний.

Джоан осуждающе взглянула на нее.

— Неужели, Бланш, — воскликнула она, — как ты могла?

— Я гадина, правда? — тихо спросила Бланш. — Конечно, я не сомневалась, что им будет хорошо с Томом. Он их обожал. Он женился на хорошей, добропорядочной девушке, которая подходила ему больше, чем я. Она заботилась о том, чтобы он хорошо питался, чинила ему нижнее белье и все такое. Милый Том, он всегда был баловнем. На протяжении многих лет он присылал мне открытки к Рождеству и Пасхе. Очень мило с его стороны, как ты думаешь?

Джоан не ответила. В ее голове вертелось множество самых разных мыслей. И главной было удивление по поводу того, что это Бланш Хэггард, благополучная, веселая девочка, одна из лучших учениц в школе Сент-Энн. Неряшливая женщина, сидевшая перед ней, не стеснялась рассказывать такие мерзкие подробности своей жизни, да еще таким грубым языком! Ведь Бланш Хэггард когда-то получила медаль в Сент-Энн по английскому!

Бланш вернулась к предыдущей теме:

— Надо же, малышка Барбара Рэй твоя дочь, Джоан. Вот как люди все извращают. Вбили себе в голову, что она была так несчастлива дома, что вышла замуж за первого встречного, который предложил ей уехать.

— Какая чушь. Откуда пошли эти сплетни?

— Понятия не имею. Но в чем я совершенно уверена, так это в том, что ты, Джоан, всегда была замечательной матерью. Не могу вообразить тебя сердитой или холодной.

— Очень мило с твоей стороны, Бланш. Думаю, я могу сказать, что мы всегда делали все возможное, чтобы у детей был теплый дом, где они живут счастливо. Знаешь, я думаю, очень важно стать другом своим детям.